

«ЗВУК СЛОВО И МУЗЫКА»

ПРИВЫЧНЫЙ, ЗВУК

ЖИВОЙ...»

Андрей ЗОЛОТОВ

Слово и музыка — об их неразрывной связи недавно говорили на страницах «ЛГ» Т. Хренников, Е. Образцова, К. Кулиев... Сегодня — речь о новом «Пушкинском венке» композитора Г. Свиридова.

С ПЕРВЫМИ тактами пришло ощущение, что музыка эта — явление, вызванное магнетическим стихом Пушкина из окружающего нас мира звуков. Будто радуга вспыхнула на небе, соединив поэта и композитора, обозначив их обращенность друг к другу. Десять хоров, составивших новое произведение Георгия Васильевича Свиридова «Пушкинский венок», прозвучали впервые в Большом зале Московской консерватории, затем, в дни пушкинских торжеств, в эфире — по первым программам Всесоюзного радио и Центрального телевидения. Исполняли свиридовский «Концерт для хора» — вдохновенно! — Московский камерный хор и Камерный хор Новосибирска. Дирижировал премьерой профессор Владимир Минин...

Между частями концерта не ощущаешь видимой связи. Мысль композитора, читавшего Пушкина, была свободна, чиста и светла. Свиридов предстал в этом произведении мудрым художником и человеком, многое передумавшим, многое оценившим заново, оставшимся верным самому себе, но и совершившим новый шаг в своем внутреннем развитии. Шаг к Пушкину и шаг в будущее собственной музыки.

Вспомнились первые исполнения других свиридовских произведений: «Поэмы памяти Сергея Есенина», «Патетическая оратория» на слова Маяковского, кантаты на слова «Курские песни» на народные слова, «Маленького триптиха» для симфонического оркестра, вокального цикла «Петербургские песни» на слова Александра Блока, «маленьких кантат» на слова Есенина («Деревянная Русь») и Пастернака («Снег идет»), потрясающей силы монолога для баса «Голос из хора» на слова Блока, посвященной памяти Александра Твардовского «Аленин кантаты» на слова Некрасова... Эти произведения прочно вошли в наше художественное сознание.

Нередко о Свиридове говорят как о художнике, который поддерживает «традицию» в эпоху расцвета «новаторства». Мне кажется, было бы правильно говорить о Свиридове именно как о новаторе, продолжающем традиции русского классического музыкального языка на новом этапе его развития. А продолжатель — не просто последователь. Это всегда новое художественное явление, родившееся в новой среде и конгениальное явлениям искусства ушедших эпох. Свиридов стоит, на наш взгляд, в ряду крупнейших композиторов XX века, которые, воздействуя на развитие музыкального языка своих народов, формировали и формируют музыкальное мышление эпохи в его глубинных гармонических проявлениях.

«Пушкинский венок» в этом отношении — этапное творение.

Не только дух великого поэта ощущаешь в нем, но и могучую личность Пушкина.

У Есенина в одном из писем 1921 года есть строчка: «Поэту нужно всегда раздвигать зрение над словом». Музыка Свиридова действительно «раздвигает зрение» над пушкинским словом, над пушкинской строкой, мыслью, над пушкинским стихом как неповторимым, загадочным в своей гениальности явлением всемирной духовной культуры.

Любовь к Пушкину — воплощению, говоря словами Бунина, «простоты, благородства, свободы, здоровья, ума, такта...», музыкальная материализовалась у Свиридова в хоровом «Венке». Длвшийся около получаса, он звучит как произведение подлинно монументальное и при этом камерное.

...Пронзительным пространственным видением поражает первый же хор — «Зимнее утро» («Мороз и солнце; день чудесный...»). Он символизирует полное слияние поэта и окружающего мира, передает испытываемое лирическим героем музыки чувство восторга перед красотой природы и человека.

Во втором хоре («Колечушко, сердечушко...») звучат слова народной песни, выбранной Пушкиным из собрания песен П. В. Киреевского. И открывается та глубинная народная стихия, которая лежит в основе всего творчества поэта, та народность, о которой говорил Достоевский в речи о Пушкине. «Мери» («Пью за здравие Мери...») приоткрывает сферу личных чувств героя. «Эхо» рисует поэта, размышляющего о своем предназначении. «Греческий пир» («Бог веселый винограда...»), сопровождаемый колокольными звонами, поэтизиру-

ет мудрость жизненных правил художника. «Камфара и мускус» («От меня вечор Ленла равнодушно уходила») — здесь звучит только камерный мужской хор в ансамбле с арфой, челестой, фортепиано и ударными — исполнен философической самоиронии.

И вдруг — потрясающая простота и правдивость поэтического ощущения хода времени:

Зорю быют...

из рун моих

Ветхий Данте выпадает,

На устах начатый стих

Недочитанный затиш.

Дух далече улетает.

Звук привычный.

звук живой,

Сколь ты часто развивался

Там, где тихо развивался

Я давнишнею порой.

Александр Ведерников, чей исповедальный голос неразрывно связан с «Патетической ораторией» и еще многими свиридовскими произведениями, поет в этой части «Пушкинского венка» солирующую партию, которая звучит «от автора». Это сильнейший эпизод всего Концерта — эмоциональная доминанта, требующая «разрешения». И оно наступает: звучит восьмой хор — «Наташа» («Вянет, вянет лето красно...»), в котором с изысканно нежной стремительностью изливается лирическое чувство поэта.

Девятая часть — «Восстань, боязливый...» (на слова «Подражаний Корану») — едва ли не самая монументальная в «Пушкинском венке». Многократно пропетое «восстань!» вздымается, словно купол, рождая образ могучих духовных устремлений героя. Это одна из лучших страниц философской лирики Свиридова. Заклочительный, десятый хор «Стрекотунья, белобока...» напоен предчувствием нового, ожиданием негладких встреч, поворотов бытия. Тема судьбы проходит здесь с неожиданной затаенной грустью и при этом веселостью, даже лихостью.

В «Пушкинском венке» Свиридов выписывает не только «главный образ», он пишет и «музыку атмосферы» вокруг своего героя, вокруг пушкинского слова — тот «воздух поэзии», который совершенно чарует. ...«Пушкинский венок» — не сюита, не цикл хоров, а именно Концерт для хора, в котором хор может многообразно представить свое искусство, но кроме этого — становится главным действующим лицом произведения. Хор трактован композитором как личность Автора, Поэта, Человека, испытывающего и способного выразить разные душевные состояния. Virtuозность, красочность, свобода хорового письма подчеркивают в «Пушкинском венке» виртуозность натуры Поэта, ее необычайность, единственность. В то же время такое, как «Зорю быют...», открывает пророческую силу Поэта, символичность каждого мига жизни, когда человек оценивает нынешнее в аспекте прошлого и в мыслях о будущем.

Вдохновенное владение различными «техниками» собственного музыкального языка, поэтическая точность выражения, ярчайший мелодизм, претворенное художником через музыкальную интонацию ощущение живой человеческой речи создают редкий в искусстве «эффект органичности»...

Девятнадцатилетний Свиридов вошел в музыку с циклом ставших теперь классикой пушкинских романсов («Роняет лес багряный свой убор...», «Зимняя дорога», «Княже», «Подъезжая под Ижору»). Несколько лет назад композитор написал романс на стихи Пушкина «Ворон к ворону летит» и ставшие впоследствии «музыкальные иллюстрации» к повести «Метель» — симфоническое произведение истинно пушкинской прелести. Теперь написан «Пушкинский венок»...

Говоря о Пушкине перед началом телевизионной трансляции (истати, мастерски проведенной) первого исполнения «Венка», Георгий Васильевич Свиридов заметил, что эпохи великих потрясений рожают и великие гармонические таланты.

Истинные художники впитывали в себя бури эпохи, но умели выразить их глубинно, исторично, цельно. Великое искусство не может ограничиться ролью некоего «осциллографа», на экране которого выписывается кривая временных колебаний. И наши дни выдвинули немало художников исключительной цельности, рожденных в эпоху великих потрясений. Достаточно назвать (среди творцов музыки) имена Прокофьева, Шостаковича, Хачатуряна. Свиридов — пример художника истинной цельности и мощи...

Пусть же парит его «звук привычный, звук живой...»!